

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-2-456-475
УДК 159.9

Original Paper
Оригинальная статья

Исследование религиозной мотивации мусульман

М.И. Ясин^{1а}, О.Л. Тарнопольская^{2б}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

²ОО «Общество развития аналитической психологии», г. Алма-Ата, Казахстан

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: nadsaw@yandex.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1342-4262>, e-mail: Oksanat_999@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается специфика мотивации мусульман, определяемая по методике И. Стойкович и Дж. Мирича, изучаемая как психологическое состояние, направляющее психологический процесс в определенное русло и имеющее целью реализоваться в деятельности. В исследовании приняли участие респонденты в количестве 90 человек, проживающие в Алма-Ате, Уфе, Казани и Москве. Исследование показало, что у мусульман с высокой внутренней мотивацией к вере наблюдается также высокая социальная мотивация к религии. Внутренняя мотивация тесно связана с представлениями об исламе как источнике эмоционального благополучия, идеалов и морали. Восприятие ислама мусульманами тесно связано с ценностями традиционализма, причем женщины более, чем мужчины, подчеркивают роль ислама в сохранении традиций семьи и народа. Религия в средней степени рассматривается мусульманами как средство исполнения желаний, однако этот параметр не является ведущим. Понимание религии как средства исполнения желаемого связано в сознании респондентов с пониманием ислама как способом поддержания традиционализма, преемственности наследия семьи и этнического сообщества. Результаты исследования позволяют сделать выводы о вышеперечисленных конфессионально-обусловленных особенностях мотивации у мусульман.

Ключевые слова: психология религии; религиозная мотивация; направленность мотивации; мусульмане; ислам

Для цитирования: Ясин М.И., Тарнопольская О.Л. Исследование религиозной мотивации мусульман. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):456-475 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-456-475

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The study of Muslims' religious motivation

M.I. Yasin^{1a}, O.L. Tarnopolskaya^{2b}

¹*National Research University Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation*

²*Society for the Development of Analytical Psychology, Almaty, Kazakhstan*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: nadsaw@yandex.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1342-4262>, e-mail: Oksanat_999@mail.ru

Abstract: The article focuses on the specifics of Muslims' motivation, determined by the method of Stojković I. and Mirić J. We consider the motivation to be a psychological state directing the psychological process into a certain course and realized in activities. The study was based on an opinion-poll of 90 people from Almaty, Ufa, Kazan and Moscow. The study has proven that Muslims with high internal motivation for faith also display high social motivation for religion. Internal motivation is closely related to the concept of Islam as a source of emotional well-being, ideals and morality. Muslims' perception of Islam highly correlates with the values of traditionalism. It appears that women preferably emphasize the role of Islam in preserving the traditions of the family and people in accordance to the same of men. Religion is partly considered by Muslims as means of fulfilling desires, but this parameter is not the principal one. Perceiving religion as means of fulfilling desires connects to the respondents' understanding Islam itself as a way of maintaining traditionalism, the continuity of the family legacy and ethnic community. The results of the study make it possible to highlight the abovementioned confessionally-caused features of motivation among Muslims.

Keywords: psychology of religion; religious motivation; orientation of motivation; Muslims; Islam

For citation: Yasin M.I., Tarnopolskaya O.L. The study of Muslims' religious motivation. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):456-475 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-456-475

Введение

Психология рассматривает религиозность с точки зрения ее влияния на индивидуальные психологические процессы верующего человека и межгрупповые взаимоотношения. Востребованность знаний психологии религии, по прогнозам специалистов, будет возрастать по следующим причинам: религиозность людей в мире не снижается, в Российской Федерации пока еще идет процесс десекуляризации, который отмечен и увеличением числа верующих [1]. Возрастает мобильность, что ведет к более частой встрече национальных

и религиозных культур, соответственно, и на повседневном уровне, и в рабочих ситуациях необходимо развивать понимание другой культуры и выработать правила межконфессионального взаимодействия.

Возрастает общая нагрузка на психику человека, увеличивается количество стрессов, соответственно, растет потребность в психологической поддержке, однако эта поддержка требует внимательного отношения к культурным и конфессиональным особенностям. Личность может быть понята только исходя из культурного контекста, где для мусульман религия будет играть существенную роль [2].

Таким образом, исследование психологической специфики верующих имеет ключевое значение для психологического консультирования, социальной психологии межконфессиональных отношений, организационной психологии многонациональных коллективов.

Мотивация рассматривается нами как психологическое состояние, направляющее психологический процесс в определенное русло и имеющее целью реализоваться в деятельности. Мы полагаем, что мотивация подчинена ценностно-смысловой сфере человека с одной стороны, с другой – подталкивается потребностями. Мотивационная система человека иерархична, одни мотивы подчинены другим, и в конечном счете за мотивационной цепочкой можно разглядеть финальный смысл, или фундаментальную мотивацию в терминологии экзистенциальной психологии. Личностные смыслы часто не осознаются, однако они направляют отношение личности к миру и задают направленность деятельности [3]. Исследования мотивационной сферы человека позволяют более углубленно понять, с одной стороны, возможные поступки и деяния, с другой – глубинные личностные смыслы.

На данный момент психологические исследования религиозной мотивации в отечественном контексте недостаточны, мы имеем примеры лишь единичных работ, посвященных этой теме. Среди них исследование В.А. Шороховой, в котором автор раскрывает специфику религиозной идентичности мусульманских подростков и молодежи, включая измерение внутренней и внешней религиозности и значимость группы для поддержания приверженности к религии [4]; исследование идентификации с религиозной группой и

этнонациональных установок у ряда конфессий, проведенное коллективом автором [5].

Однако мировая тенденция такова, что в психологии религии проблема мотивации играет существенное значение. Исследования религиозной мотивации условно можно разделить на четыре группы по характеру теорий, лежащих в их основе. Это теория поисковой религиозной мотивации, имеющая корни в экзистенциальной психологии [6]; теория сакрализации, утверждающая, что религиозность может любой мотив сделать «религиозным» в зависимости от интерпретации смысла индивидом или группой [7]; теория ожиданий [8], в которой оригинально объяснена отсроченная мотивация верующих влиянием концепции божественного, посмертного воздаяния и предназначения; и теория самоопределения [9], генетически восходящая к модели внутренней религиозности Олпорта [10].

Теория самоопределения представляется нам наиболее продуктивной для исследования религиозной мотивации и ее связи с религиозной идентичностью, глубиной религиозного чувства, степенью удовлетворённости жизнью. В классической работе Г. Олпорта «Индивид и его религия» [11] автор выделял внутреннюю мотивацию, направленную на поиск контакта с божественным, и внешнюю, связанную с выполнением ритуалов. Продолжая его мысль, Т. Мартос с соавторами вводят понятия «трансцендентной религиозной мотивации» для поиска контакта с абсолютным и «нормативной религиозной мотивации», связанной со следованием традициям общества и получением одобрения от окружающих. Причем исследователи указывают, что эти два мотива не противопоставляются, сильная внутренняя мотивация может сопровождаться сильной внешней, то есть, имея внутреннюю мотивацию к религии, индивид также может иметь сильное стремление соответствовать ожиданиям окружающих [12]. Однако обратной связи не наблюдается – человек вполне может участвовать во внешней, ритуальной стороне жизни, стремясь получить одобрение, однако не вовлекаться духовно [13].

В теории самоопределения Р. Райн и Э. Дечи более подробно рассмотрели континуум олпортовской внешне-внутренней мотивации и выделили четыре типа мотивации, в соответствии с глубиной принятия личностью.

Первый вид – собственно внутренняя мотивация, когда человек стремится к чему-либо без внешних указаний; второй вид – «внешняя личная», или интроецированная мотивация, когда человек получил мотивацию извне, однако осознано принял ее для себя как важную и нужную; «внешние социальные» – принятые личностью для получения одобрения окружающих; чисто внешние – не принимаются личностью и воспринимаются как принуждение извне [14].

Отталкиваясь от концепции внутренней мотивации как ключевой для понимания религиозности, И. Стойкович и Дж. Мирич создали свою мотивационную модель для исследования религий, включающую дополнительно еще несколько параметров. Это векторы внешней социальной мотивации, соблюдения традиций, исполнения желаний, моральных норм. Модель позволяет видеть внутренние связи других мотивационных направленностей с ключевой внутренней мотивацией и дает возможность проследить мотивационный профиль как отдельного последователя религии, так и наглядно увидеть особенности религиозных конфессий на материалах массовых опросов. И. Стойкович и Дж. Мирич разработали опросник, точно соответствующий модели, при его формировании они опирались на результаты многочисленных интервью с верующими, откуда извлекли наиболее часто встречающиеся темы, а затем использовали факторный анализ для математической проверки модели. Данная модель отражает максимально естественные внутренние связи возможных мотивационных векторов и, согласно примечанию авторов, «конфессионально нейтральные», то есть пригодные для исследования мотивации последователей любых религий, в основе которых лежит признание единого всемогущего бога [15].

В отечественных исследованиях психологии мусульман нет работ, напрямую посвященных религиозной мотивации, наиболее близко к теме подходят статьи, раскрывающие тематику религиозного обращения, религиозной идентичности, ценностной системы личности. Мы придерживаемся мнения, что ценностная система контролирует и направляет мотивационную сферу: принимая определенную религию, человек стремится усвоить и системе ценностей, ею предлагаемую, то есть присваивает, интроецирует идеаль-

ные коллективные ценности. Соответственно, ценностная ориентация создает отпечаток в мотивационной направленности последователей религии, и мы можем проследить его психологическими методами как некоторое свойство, отличительную черту последователей религии как социальной группы.

Описание программы исследования

Цель нашего исследования – рассмотреть структуру религиозной мотивации мусульман, отталкиваясь от внутренней мотивации как системообразующего фактора. В качестве исследовательского инструмента мы выбрали тест, разработанный И. Стойкович и Дж. Миричем [15]. Работа носит характер социально-психологического описательного исследования.

Нас интересовал в первую очередь некоторый типичный мотивационный профиль мусульманина, который может быть построен по результатам коллективных представлений наиболее глубоко вовлеченных в духовную жизнь людей. Соответственно, в квазиэксперименте мы отдельно анализировали результаты тех мусульман и мусульманок, чья внутренняя мотивация к религии и вовлеченность в религиозные практики проявляются наиболее выражено.

Тест И. Стойкович и Дж. Мирича [15] включает пять субшкал: 1) религия как высшая ценность (РВЦ); 2) стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии (СО); 3) религия как средство исполнения желаний (ИЖ); 4) религия как часть традиции (Т); 5) религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали (ЭИМ).

Первая шкала – «религия как высшая ценность» – показывает силу внутренней мотивации к религиозной жизни, направленность человека на поиск трансцендентного, искреннюю увлеченность духовными переживаниями и смыслами. Вторая шкала – «стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» – измеряет внешнюю мотивацию к религии, при которой человек ожидает внешней оценки и старается соответствовать предполагаемым требованиям окружающих, проявляет конформность. Третья шкала – «религиозность как средство исполнения желаний» – отмечает аспекты жизни, связанные с достижением личных целей посредством религии, при этом понимание «желаний» оставляется на усмотрение отвечающе-

го, по факту, цели понимаются довольно широко, от собственно духовных до вполне материальных. Четвертая шкала – «религия как часть традиции» – измеряет понимание религиозности как явления, тесно связанного с национальной или семейной преемственностью, стремлением «держаться корней» и продолжать традиционную духовную линию. Пятая шкала – «религия как источник эмоционального благополучия, морали и нравственности» – раскрывает представления, связывающие религиозность с нормативными правилами жизни общества и основами «правильного» образа жизни, которые воспринимаются также и как основа душевного благополучия. Инструментарий пригоден для исследований религий, опирающихся на концепцию веры в Бога, при этом конфессионально нейтрален [15]. Опросник был дополнен пятибалльной шкалой Лайкерта, полученные результаты пересчитаны в баллы-стены.

Дополнительно была составлена авторская анкета для оценки включенности респондентов в религиозную жизнь и практики. Вопросы анкеты были нацелены на то, чтобы определить уровень погруженности в религиозную жизнь. Так как исследование было направлено именно на создание типического психологического портрета верующего, анкета помогла выявить тех, чей уровень религиозности относительно высок. Прежде чем включать вопросы в анкету, мы проконсультировались с имамом. Анкета включала вопросы, на которые, по нашему предположению, при хорошей погруженности в религию будет дан утвердительный ответ, например, «Держите ли пост в месяц Рамадан (уразу)?». Каждому положительному ответу присваивался 1 балл, неуверенному утвердительному ответу типа «иногда», «по возможности» – 0,5 балла.

В исследовании приняли участие мусульмане-билингвы (свободно владеющие русским языком) в количестве 90 человек, проживающие в Алма-Ате, Уфе, Казани и Москве.

Целевая выборка проводилась по принципу высокой религиозной погруженности. Успешность подбора респондентов отражена в высоких баллах по первой шкале «Внутренняя мотивация к религии» теста И. Стойкович и Дж. Мирича и высоких баллах, полученных у респондентов по результатам

анкетирования. Мы предположили, что верующие с высокой степенью религиозного вовлечения могут наилучшим образом продемонстрировать черты, которые войдут в «психологический портрет» мусульманина. Однородность выборки также обеспечена относительно небольшим диапазоном возраста респондентов (от 19 до 44 лет) и тем, что данные собирались в городах исторически традиционного распространения ислама (в Москве были опрошены временно проживающие и работающие в городе жители ближнего зарубежья). Данные собирались в электронной форме гугл-опросника, формы рассылались по электронной почте, предъявлялись на бумажном носителе.

Математическая обработка результатов производилась в программах IBM SPSS Statistics-23 и G-Power-3.1.9.4.

Представление результатов исследования и их описание

В результате отсева данных в окончательном варианте статистической базы осталось 75 респондентов. Отсев произошел за счет удаления анкет с критически значимыми пропусками в данных (9 штук) и за счет отсека части выборки как номинально-религиозных (6 человек). Среди 75 респондентов: 27 мужчин и 48 (не сходится количество) женщин в возрасте от 19 до 44 лет, средний возраст по выборке составил 30,6 лет, при медиане 30, средний возраст мужчин – 35,3 лет, средний возраст женщин – 27,9 лет.

Результаты были получены на основании выборки из 75 человек, все респонденты с высокой степенью погруженности в религиозную жизнь, согласно данным, полученным по авторской анкете и первой шкале теста И. Стойкович и Дж. Мирича. По результатам анкетирования мы получили баллы выше медианы у 75 респондентов (от 1,5 балла до 3 максимально возможных), из них 2 балла – 11 человек, 2,5 балла – 31 человека, 3 балла – 33 человека.

По шкале «Религия как высшая ценность» (РВЦ) респонденты набрали средневысокие баллы – 6,48 стенов, медиана – 6,86 стенов, дисперсия равна 1,8 (см. Таблицу 1).

Таблица 1. / Table 1.

Основные статистические показатели по результатам теста И. Стойкович и Дж. Мирича (в стенах)**Basic statistical indicators based on the results of the test by Stojkovic and Jovan Miric (in sthenes)**

	Религия как высшая ценность (РВЦ)	Социальные ожидания (СО)	Исполнение желаний (ИЖ)	Религия как часть традиции (Т)	Источник эмоционального благополучия, идеалов и морали (ЭИМ)
Среднее	6,48	5,99	5,91	5,78	5,69
Медиана	6,86	6,5	6	6,5	5,43
Дисперсия	1,8	2,35	0,94	1,93	0,5

По шкале «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» (СО) средний балл оказался равным 5,99 стенов, медиана – 6,5 стенов, при дисперсии 2,35. В измерении «Религии как средство исполнения желаний» (ИЖ) мы получили средние баллы равными 5,91 стенов, медиану – 6 стенов и дисперсию, равную 0,94. По шкале «Религия как часть традиции» (Т) респонденты набрали средний балл, равный 5,78 стенов, медиану – 6,5 стенов, при дисперсии – 1,93. По шкале «Религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали» (ЭИМ) респонденты набрали среднее в размере 5,69 стенов, медиану – 5,43 стенов, при дисперсии – 0,5.

Интерпретация и обсуждение полученных результатов

Корреляционный анализ для установления возможной связи результатов опроса и 1-й шкалы теста И. Стойкович и Дж. Мирича, во время которого обрабатывались результаты по 81 респонденту, показал, что корреляция составила $r=0,42$, при вероятности допустимой ошибки $p<0,01$, расчетная мощность составила 0,93. Таким образом, подтверждена связь инструментов

оценки религиозной погруженности и получен обоснованный способ оценивать глубину религиозного погружения.

В основном исследовании приняли участие 75 человек с высокими показателями религиозности – выше абсолютных средних значений по обоим измерениям – и авторской анкеты, и 1-й шкалы теста.

По шкале «Религия как высшая ценность» (РВЦ) респонденты набрали средневысокие баллы (среднее 6,48 стен, медиана 6,86 стен) при низкой дисперсии (1,8) (см. Таблицу 1). Критерий Колмогорова-Смирнова показал нормальность распределения ($Z=1,982$, при $p=0,001$). Различие между женской и мужской частью выборки по Т-критерию Стьюдента составило $T=0,22$, что не является статистически значимым. Таким образом, все респонденты показали средневысокую степень внутренней мотивации к религиозной жизни.

Внутренняя мотивация демонстрирует степень заинтересованности в духовной жизни и является индикатором глубины вовлеченности в религию. Фактор внутренней мотивации к религии позволяет предсказать, насколько гармонично будет переживаться участие в религиозных практиках. Одновременно с этим была показана тесная связь внутренней мотивации с религией, восприятие религиозности как источника эмоционального благополучия, идеалов и морали [16]. На основании качественных исследований можно сделать вывод, что благополучие жизни у мусульман ассоциируется с духовной жизнью и исповеданием ислама. Такая связь обозначается ими в терминах правильной жизни, гармоничной жизни, построенной согласно заповедям ислама, «жизнь в соответствии с Истиной» [17].

По шкале «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии» (СО) баллы оказались средними (среднее 5,99 стен, медиана 6,5 стен), при средней дисперсии 2,35. Критерий Колмогорова-Смирнова показал нормальность распределения ($Z=4,45$, при $p=0,001$). Различие между женской и мужской частью выборки по Т-критерию Стьюдента составило $T=3,85$, для выборок с разными дисперсиями, с вероятностью допустимой ошибки $p<0,002$. При этом у женщин этот показатель оказался выше на 1,5 балла стен. Результаты показывают, что респонденты давали

довольно различные ответы на вопросы о том, важны ли для них ожидания окружающих относительно их религиозности, при этом женщины чаще мужчин ориентировались на предполагаемые мнения других людей. Интересной особенностью выборки мусульман является тот факт, что при относительно высокой внутренней мотивации показатели по шкале социальной мотивации также являются относительно высокими, при этом корреляционная связь первой и второй шкал отрицательная, но ($r=0,2$, при $p<0,01$), но крайне слабая относительно других выборок. Как показали другие наши исследования [18; 19], подобного рода завышение по второй шкале не свойственны представителям других религий, кроме иудеев. Можно отметить, что для мусульман значение мнения социальной группы в вопросах религии выступает как специфическая черта религиозности последователей. Ислам представляется религией социальной по своей сути: внутренняя религиозность отдельной личности не входит в противоречие с коллективными ожиданиями, существуют практики сплоченности, поддерживаемые внутри религиозной группы. Наши результаты согласуются с данными, полученными В.А. Шороховой на выборке школьников и студентов-мусульман, у которых была показана связь принадлежности к группе и приверженности религиозным практикам [4], а также с результатами, полученными в Иране, где специфическими особенностями мусульман были отмечены, среди прочих, традиционализм, коллективизм и отсутствие одиночества [20]. Повышение значений у мусульман по шкале «внешней религиозности» теста Г. Олпорта было обнаружено и в работе А.В. Парамузова [21], который объясняет этот факт значительной ритуализированностью и регламентированностью духовных практик в исламе.

В измерении «Религия как средство исполнения желаний» (ИЖ) мы получили средние баллы (среднее 5,91 стенов, медиане 6 стенов) при низкой дисперсии (0,94). Критерий Колмогорова-Смирнова показал нормальность распределения ($Z=2,48$, при $p=0,001$). Различия между женской и мужской частью выборки по Т-критерию Стьюдента составило $T=0,56$, что не является статистически значимым. Результат говорит о том, что религия в целом рассматривается как средство исполнения желания всеми последователями,

но значимость ее в этом качестве не первоочередная. Экспертные оценки духовных лиц оценивают исполнение желаний неоднозначно: с одной стороны, желание мусульманина, которое он выразил в молитве, может быть исполнено, если оно благочестиво и соответствует истине, с другой – желания могут быть неправильными, а их исполнение – нежелательно. Поиск корреляционных связей показал, что эта шкала значимо и позитивно связана с последующей – «Религия как часть традиции». Связь составляет: $r=0,61$, при $p<0,001$, есть некоторая связь восприятия ислама как традиционной религии семьи и этнического сообщества и как средства достижения желаемого.

По шкале «Религия как часть традиции» (Т) респонденты набрали средние баллы (среднее 5,78 стен, медиана 6,5 стен) при низко-средней дисперсии (1,93). Критерий Колмогорова-Смирнова показал нормальность распределения ($Z=3,52$, при $p=0,001$). Различия между женской и мужской частью выборки по Т-критерию Стьюдента составило $T=3,14$, для выборок с разными дисперсиями, с вероятностью допустимой ошибки $p<0,001$. У женщин этот параметр выше на 1 балл стен. В целом по группе ислам рассматривается как источник традиционности, при этом женщины более, чем мужчины, склонны рассматривать религию как источник преемственности традиций. Помимо связи со шкалой «исполнения желаний» показана сильная корреляционная связь шкалы «Религия как часть традиции» со шкалой «Стремление соответствовать социальным ожиданиям относительно религии», значимость связи $r=0,75$ при 0,01, то есть традиционализм и социальная конформность изменяются связанно. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования О.Е. Хухлаева и соавторов, в котором была показана связь традиционалистских этноцентрических установок с религиозной идентичностью у мусульман [5].

По шкале «Религия как источник эмоционального благополучия, идеалов и морали» (ЭИМ) в нашем исследовании получились средние показатели (среднее 5,69 стен, медиана 5,43 стен) при низкой дисперсии (0,5). Критерий Колмогорова-Смирнова показал нормальность распределения ($Z=0,18$, при $p=0,001$). Анализ гендерных различий не показал существенной разницы

между мужчинами и женщинами, $T=1,145$ при $p<0,289$. Результаты говорят о том, что подавляющее большинство респондентов (низкая дисперсия) отводит определенное значение религии как источнику морали и нравственности и считает ее основой душевного благополучия. Поиск корреляционных связей показал, что шкала связана сильной позитивной корреляцией с внутренней мотивацией к религии, $r=0,79$ при $p<0,001$. То есть отношение к религии как источнику нравственности и благополучия соотносится с поиском духовности у мусульман. Однако при использовании методики И. Стойкович и Дж. Мирича такая тесная внутренняя связь двух шкал была выявлена нами только в выборке мусульман и не является типичной для представителей других религий [18; 19].

Заключение

В результате исследования были выявлены некоторые характерные черты ценностно-мотивационного профиля мусульман и мусульманок. Основываясь на этих данных, можно составить обобщенный типичный «психологический портрет», отражающий ключевые коллективные представления наиболее глубоко вовлеченных в духовную жизнь людей.

С внутренней религиозностью тесно связанными оказываются представления об исламе как источнике эмоционального благополучия, идеалов и морали. То есть полностью выполняются наблюдения других авторов о тесной связи высокой внутренней религиозности с высоким уровнем субъективного благополучия. Полученные результаты говорят о том, что подавляющее большинство респондентов считают значимой роль религии в поддержании благополучия, морали и нравственности.

При высокой степени погружения в религиозную жизнь и высокой внутренней мотивации к вере выражена и высокая социальная мотивация, на этом основании можно сделать вывод о высоком коллективизме в рядах мусульман и ориентации мусульман на мнения социального окружения в вопросах религии. Ислам представляется религией социальной по своей сути: внутренняя религиозность отдельной личности не входит в противоречие с

коллективными ожиданиями, существуют практики сплоченности, поддерживаемые внутри религиозной группы. Причем женщины более, чем мужчины, подчеркивают роль ислама в сохранении традиций семьи и народа.

Восприятие ислама мусульманами тесно связано с ценностями традиционализма, что видно по средним баллам соответствующей шкалы. В некоторой степени религия рассматривается мусульманами как средство исполнения желаний, однако этот параметр не является ведущим. Понимание религии как средства исполнения желаемого связано в сознании респондентов с пониманием ислама как способа поддержания традиционализма, преемственности наследия семьи и этнического сообщества.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки практических рекомендаций по межкультурной коммуникации, консультативной психологии, педагогике, они вносят вклад в теоретическую разработку вопросов психологии религии, ценностей и мотивации и могут служить основой для определения направлений дальнейших исследований.

Ограничением исследования являются его описательный характер; небольшое число респондентов; проведение опроса на русском языке, в том числе в регионах, где ведущим является национальный язык. Однако в ходе работы были отмечены некоторые специфические черты, требующие дальнейшего более углубленного исследования. Необходимо произвести расширенный психометрический анализ работы теста религиозной мотивации, проверить найденные особенности мусульман на более широкой выборке, провести сравнительные различительные исследования между мусульманами и представителями других религий.

Литература

1. Эпштейн А.Д. Секуляризация и ее пределы: самосознание и свобода совести в эпоху конфликта цивилизаций. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2015;(2):88–109.
2. Павлова О.С. Психология ислама: институционализация научной дисциплины в российском контексте. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(1):169–181.

3. Куприна О.А. Концептуальное обоснование феномена смысла жизни в отечественной психологии. *Вестник университета*. 2014;(1):254–257.

4. Шорохова В.А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):585–589.

5. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С. [и др.]. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи. *Культурно-историческая психология*. 2019;15(3):71–82.

6. Batson C.D., Raynor-Prince L. Religious Orientation and Complexity of Thought About Existential Concern. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22:38–50.

7. Mahoney A., Pargament K.I., Murray-Swank A., Murray-Swank N. Religion and the Sanctification of Family Relationships. *Review of Religious Research*. 2003;40:220–236.

8. Suciú L.E., Mortan M., Lazăr L. Vroom's Expectancy Theory. An Empirical Study: Civil Servant's Formance Appraisal Influencing Expectancy. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2013;39(9):180–200.

9. Ryan R.M., Rigby S., King K. Two Types of Religious Internalization and Their Relations to Religious Orientations and Mental Health. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993;65:586–596.

10. Ясин М. Психологические исследования религиозной мотивации. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2016;4(34):51–67.

11. Allport G.W. *The Individual and His Religion*. New York: McMillan; 1950. 147 p.

12. Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious Motivations for Everyday Goals: Their Religious Context and Potential Consequences. *Motivation and Emotion*. 2011;(35):75–88.

13. Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Soenens B. Updating Allport's and Batson's Framework of Religious Orientations: A Reevaluation from the Perspective of Self-Determination Theory and Wulff's Social Cognitive Model. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2010;49(3):425–438.

14. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review Psychology*. 2001;52:141–166.

15. Stojković I., Mirić J. Construction of a Religious Motivation Questionnaire. *Psihologija*. 2012;45(2):155–170.

16. Vieten C., Pilato R., Pargament K., Scammell S., Ammondson I., Lukoff D. Spiritual and Religious Competencies for Psychologists. *Psychology of Religion and Spirituality*. 2013;5(3):129–144.

17. Гусева Е.С., Буланова И.С., Набиев Д.Х. Религиозное обращение в нарративах мусульман: опыт эмпирического исследования. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2017;2(29):86–89.

18. Ясин М.И. Внутренняя религиозная мотивация у православных христиан. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2018;18(4):463–467.

19. Ясин М.И. Внутренняя религиозная мотивация у вайшнавов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2017;17(1):100–103.

20. Азарбайджани М., Мусави-Асл С.М. *Введение в психологию религии*. М.: Вече; 2012. 192 с.

21. Парамузов А.В. Религиозность и восприятие психологического времени на выборке мусульман, христиан и атеистов. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(1):267–283.

References

1. Epshteyn A.D. Sekulyarizaciya i ee predely: samosoznanie i svoboda sovesti v epohu konflikta civilizacij [Secularization and its limits: identity and freedom of conscience in the time of civilizations clash]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus Magazine: People, Society, Culture, Meanings]. 2015;(2):88–109. (In Russian)

2. Pavlova O.S. Psihologiya islama: institucionalizaciya nauchnoj discipliny v rossijskom kontekste [Psychology of Islam: Institutionalization of Scientific

Discipline in the Russian Context]. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(1):169–181. DOI: 10.17759/jmfp.2018070406 (In Russian)

3. Kuprina O.A. Kontseptualnoye obosnovaniye fenomena smysla zhizni v otechestvennoy psikhologii [The conceptual substantiation of the phenomenon of the meaning of life in domestic psychology]. *Vestnik universiteta* [University Herald]. 2014;(1):254–257. (In Russian)

4. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost musulmanskih podrostkov i molodezhi: social'no-psihologicheskij analiz [The religious identity of the Muslim youth. A socio-psychological approach]. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):585–589. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598 (In Russian)

5. Khukhlayev O.E., Aleksandrova E.A., Gritsenko V.V., Konstantinov V.V., Kuznetsov I.M., Pavlova O.S. [et al.]. Identifikaciya s religioznoj gruppoj i etnonacionalnye ustanovki buddistskoj, musulmanskoj i pravoslavnoj molodezhi. Kulturno-istoricheskaya psihologiya [Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes of the Buddhist, Muslim and Orthodox Youth]. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2019;15(3):71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308 (In Russian)

6. Batson C.D., Raynor-Prince L. Religious Orientation and Complexity of Thought About Existential Concern. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22:38–50.

7. Mahoney A., Pargament K.I., Murray-Swank A., Murray-Swank N. Religion and the Sanctification of Family Relationships. *Review of Religious Research*. 2003;40:220–236.

8. Suciu L.E., Mortan M., Lazăr L. Vroom's Expectancy Theory. An Empirical Study: Civil Servant's Formance Appraisal Influencing Expectancy. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2013;39(9):180–200.

9. Ryan R.M., Rigby S., King K. Two Types of Religious Internalization and Their Relations to Religious Orientations and Mental Health. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993;65:586–596.

10. Yasin M. Psihologicheskie issledovaniya religioznoj motivacii [Studies of the Religious Motivation]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov v Rossii i za rubezhom*

[State, Religion and Church in Russia and worldwide]. 2016;4(34):51–67 DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-51-67 (In Russian)

11. Allport G.W. *The Individual and His Religion*. New York: McMillan; 1950. 147 p.

12. Martos T., Kezdy A., Horvath-Szabo K. Religious Motivations for Everyday Goals: Their Religious Context and Potential Consequences. *Motivation and Emotion*. 2011;(35):75–88.

13. Neyrinck B., Vansteenkiste M., Lens W., Soenens B. Updating Allport's and Batson's Framework of Religious Orientations: A Reevaluation from the Perspective of Self-Determination Theory and Wulff's Social Cognitive Model. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2010;49(3):425–438.

14. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review Psychology*. 2001;52:141–166.

15. Stojković I., Mirić J. Construction of a Religious Motivation Questionnaire. *Psihologija*. 2012;45(2):155–170.

16. Vieten C., Pilato R., Pargament K., Scammell S., Ammondson I., Lukoff D. Spiritual and Religious Competencies for Psychologists. *Psychology of Religion and Spirituality*. 2013;5(3):129–144.

17. Guseva E.S., Bulanova I.S., Nabiyeв D.Kh. Religioznoe obrashchenie v narrativah musulman: opyt empiricheskogo issledovaniya [Religious conversion in the narratives of Muslims: experience of the empirical research]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology]. 2017;2(29):86–89. DOI: 10.18323/2221-5662-2017-2-86-89 (In Russian)

18. Yasin M.I. Vnutrennyaya religioznaya motivaciya u pravoslavnyh hristian [Orthodox Christians' intrinsic religious motivation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2018;18(4):463–467. (In Russian)

19. Yasin M.I. Vnutrennyaya religioznaya motivaciya u vajshnavov [Vaishnavas' internal religious motivation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*.

Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2017;17(1):100–103. (In Russian)

20. Azarbajani M., Musavi-Asl S.M. *Vvedenie v psihologiyu religii* [Introduction to the Psychology of Religion]. Moscow: Veche; 2012. 192 p. (In Russian)

21. Paramuzov A.V. Religioznost i vospriyatие psihologicheskogo vremeni na vyborke musulman, hristian i ateistov [Religiosity and time perception on a sample of Muslims, Christians and Atheists]. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(1):267–283. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-267-283 (In Russian)

Информация об авторе

Ясин Мирослав Иванович, кандидат социологических наук, магистрант программы «Консультативная психология. Персонология» Национального исследовательского института «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

Тарнопольская Оксана Леонидовна, индивидуальный член Международной ассоциации аналитической психологии, аккредитованный супервизор Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, заместитель председателя по работе с иностранными партнерами ООО «Общество развития аналитической психологии», г. Алма-Ата, Казахстан.

About the author

Miroslav Iv. Yasin, Cand. Sci. (Sociological), master student for the «Consultative Psychology. Personology» program of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, the Russian Federation.

Oxana L. Tarnopolskaya, Independent member of the International Association of Analytical Psychology, accredited supervisor of All-Russian Professional Psychotherapeutic League, Deputy Chairman for International Relations of the «Society for the Development of Analytical Psychology», Almaty, Kazakhstan.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Ясин М.И., Тарнопольская О.Л.
Исследование религиозной мотивации мусульман

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 октября 2019

Одобрена рецензентами: 20 ноября 2019

Принята к публикации: 17 февраля 2020

Article info

Received: October 23, 2019

Reviewed: November 20, 2019

Accepted: February 17, 2020